

ДВА ИМАНА ИЛИ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДОМА АВАРСКОГО

(Историческое повѣствованіе о Кавказѣ).

Во время короткаго шествія правительницы, вся толпа любопытныхъ, состоящая разумѣется изъ однихъ мужчинъ,—иначе быть не можетъ въ мусульманскихъ странахъ,—преклоняла голову, прикладывая правую руку къ околышку шапки и говорила въ полголоса: „саламъ алекумъ Кистемана-Беке“¹⁾). Всѣ эти люди любили правительницу, которую большая часть изъ нихъ въ первый разъ видѣла или воображала, что видитъ. Какимъ это образомъ? спросите вы. Вотъ вамъ объясненіе: Умаханъ, покойный мужъ Кистеманы умѣлъ окружать себя людьми мудрыми, благонамѣренными и преданными родинѣ своей; онъ былъ бичъ и каратель корыстолюбцевъ, обогащающихся притѣсненіями, искателей почестей посредствомъ гнусныхъ происковъ. Изгнавъ и удаливъ изъ Аваріи всѣхъ иноплеменниковъ, онъ любилъ и цѣнилъ бековъ своей земли, которые помогали ему управлять народомъ, будучи съ малолѣтства приучены почитать своихъ предковъ и ихъ дѣянія. Молодые беки росли съ своимъ поколѣніемъ, и почерпая свѣдѣнія изъ преданій старины, постоянно, собственнымъ опытомъ, роднились съ нуждами, потребностями и чувствами соотчичей; такимъ образомъ любовь и взаимное движеніе было составомъ узъ, связывающихъ всѣ сословія въ Аваріи. Кистемана, умная и благородная женщина, придерживалась правилъ мужа, и слѣпо слѣдовала правительственному направленію, имъ данному; она до того опасалась чужестранцевъ, что даже своихъ родныхъ выпроваживала скорѣе изъ Хунзака, сама же никогда ихъ не приглашала; по этому самому народная гордость Аварцевъ оставалась признательна, что ее не оскорбляютъ зависимостью отъ пришлецовъ и насильниковъ. Аварцы тѣмъ болѣе цѣнили свое

¹⁾ *Беке*, титулъ ханскихъ женъ.

положеніе, что видѣли ежедневно примѣры противнаго въ сосѣдственныхъ ханствахъ, гдѣ искатели приключеній, желая обогатиться трудами чуждаго имъ племени, захватывали бразды правленія и, угнетая народъ, заставляли его терпѣть бѣдность и роптать. Аварцы сравнивали своихъ сосѣдей съ собою, и, разумѣется, любовь и благодарность были справедливымъ возмездіемъ мудрой Кистеманъ. Строгія, но справедливыя казни обезпечивали общественное спокойствіе. Къ довершенію всего, всѣ допускаемые до правительницы превозносили ея умъ, доброту, внимательность, справедливость и твердость духа, безъ мстительности и самоуправства. Все это заставляло даже тѣхъ, которые не видывали Кистеманы, любить ее съ благоговѣніемъ и благодарностію, теперь же привѣтствовать.

Вдова вошла въ Кунакскую, и всѣ присутствующіе съ благоговѣніемъ встали. Когда она дошла до Ханскаго сѣдалища, тогда Эеренди сдѣлалъ ей знакъ вступить на мѣсто, освященное властію. Снявъ туфли, она обернулась къ собранію; Эеренди просилъ ее сбросить чадру, ибо, говорилъ онъ, тутъ все люди, передъ которыми всякая женщина по заповѣди пророка, должна раскрыться; потомъ пригласилъ ее сѣсть—и все собраніе сѣло.¹⁾ Кистимана также усѣлась на бархатный коверъ, сложивъ ноги подъ себя и облокотясь на парчевыя подушки. Спустивъ чадру, она показала присутствующимъ свое прекрасное лицо, еще въ полномъ цвѣтѣ молодости; необыкновенный умъ игралъ въ ея выраженіи; а роскошная шея краснѣла подъ тягостью драгоценныхъ камней и жемчужовъ. Ея женщины стали по обѣимъ сторонамъ ханскаго сѣдалища

Маститый Эеренди, славившійся даромъ слова, въ предлинной рѣчи, растянутой всѣми цвѣтами аллегоріи азіатскаго краснорѣчія, высказалъ правительницѣ цѣль депутаціи и отъ имени всего народа просилъ ее выбрать одного изъ двухъ предлагаемыхъ жениховъ. Въ заключеніе объявилъ, что его грѣшными, беззвучными устами говорили всѣ присутствующіе, которые въ знакъ подтвержденія важно опустили головы, прикладывая правую руку къ сердцу. Умная и хитрая Кистемана съ достоинствомъ, смѣло отвѣчала слѣдующимъ образомъ:

„Достойный Эеренде и почтенные, мудрые Аварцы! да продлитъ Аллахъ дни ваши и до сохранить достоинства всѣхъ и каждаго! Аварскіе Ханы всегда считали свой народъ своимъ семействомъ,—и я, представительница юной нашей владѣтельницы, не могу иначе видѣть себя какъ посреди одного большаго семейства, называемаго Аварскимъ.

¹⁾ У азіатцевъ женщина тогда только можетъ сѣсть, когда всѣ мужчины сядутъ.

Среди своихъ, первымъ условіемъ должно быть чистосердечіе. Зачѣмъ же вы не скажете мнѣ прямо и просто свое желаніе? Зачѣмъ скрывать истину отъ родной своей? Зачѣмъ вынуждать меня ее переводить? Я вкратцѣ изложу вамъ настоящее. Аварія не довольна своей правительницей, а такъ какъ она мать юной ханши, вы опасаетесь найти слишкомъ сильное сопротивленіе во мнѣ, чтобы уступить бразды правленія другому; по этому вы хотите выдать меня замужъ, чтобы мужъ мой былъ вмѣстѣ и правителемъ! Но скажите, можете ли вы поручиться, что онъ со временемъ не содѣлается Ханомъ? А Паху-Беке, послѣдняя отрасль цѣлаго ряда доблестныхъ вашихъ князей, отцовъ Аварскаго народа, не будетъ изгнана? Вы забыли, что новое Ханское поколѣніе не будетъ имѣть богатѣйшаго наслѣдства Аварскаго дома—преданій о любви народной, о добродѣтеляхъ и преданности къ Отечеству Великихъ Хановъ, дѣдовъ и прадѣдовъ Паху—Беке! Вы забыли, что въ этомъ наслѣдіи таится залогъ блага подвластныхъ и отечества!... Пускай народъ требуетъ отъ меня всего что нужно ему для счастья своего, я сочту себя счастливою пожертвовать жизнью для него, съ радостію сложу съ себя власть и званіе правительницы, если онъ не доволенъ, несчастливъ моимъ правленіемъ; но я слишкомъ предана, слишкомъ привязана къ Аварскому народу, чтобы согласиться лишить Паху-Беке ея отцовскаго наслѣдія, а соотчицей—вѣрнѣйшаго залога ихъ грядущаго благоденствія.

Кистемана умолкла. Она приняла на себя видъ сильнаго душевнаго безпокойства, глубокой тоски, но непоколебимой твердости.

Не смотря на всѣ старанія сохранить должную степенность, весь сонмъ слушателей, къ концу ея рѣчи, оказывалъ признаки возрастающаго негодованія и нетерпѣнія. Самъ Эеренди провелъ неоднократно дряхлою рукою по длинной бородѣ своей такъ крѣпко, что еслибъ другой ему это сдѣлалъ, онъ сказалъ бы, что его выдрали за бороду.

Лишь только Кистемана замолчала, какъ со всѣхъ сторонъ послышались слова: „Эеренди! Увѣрь Кистеману Беке, что намъ правительницы лучше быть не можетъ; весь народъ ее благословляетъ и готовъ лечь за нее и за право Паху-Беке; одинъ врагъ отечеству можетъ покуситься на права юной Ханши! Изъясни нашу просьбу, желаніе народа!“

Словоохотный старикъ не заставилъ себя повторить; онъ началъ новую длинную рѣчь, въ которой исчислилъ всѣ доблести покойныхъ Хановъ и увѣрялъ въ привязанности народа къ ихъ памяти и поколѣнію, въ преданности его Паху-Беке, перебралъ всѣ рѣдкія качества

Кистеманы, выхваляя ея мудрое правленіе, говорилъ о любви и преданности къ ней всего народа, который желаетъ лишь устроить и упрочить ея счастье. Даже и замужемъ она должна оставаться правительницею, а мужъ ея будетъ только первымъ ея тѣлохранителемъ; другой владѣтельной особы они не примуть, покуда Ханша жива; но еслибъ Аллахъ въ премудрости своей и ниспослалъ смерть на Паху-Беке, то и тогда они не захотятъ другаго владѣтеля, кромѣ Кистеманы, которая приметъ званіе Ханши. Эренди кончилъ рѣчь словами: „во всемъ сказанномъ мною клянусь передъ Аллахомъ четомъ и нечетомъ, утреннимъ и вечернимъ намазомъ, мечемъ своимъ!“ Всѣ присутствующіе въ восторгѣ повторили клятву.

Кистемана, слушавшая слова почтеннаго старца съ видомъ смущенія и застѣнчивости, внутренно торжествовала. Она нагнула милостивую свою головку въ знакъ признательности за клятву — и слеза благодарности къ зрителямъ, а по истинѣ — слеза изъ запаса женскаго лукавства, выкатилась изъ черныхъ длинныхъ ея рѣсницъ и пробѣжала по щекѣ, какъ *пелерина*¹⁾ Зосима перекатывалась по свѣтло-розовому атласу.

Эренди, оправясь отъ тревоженія чувствъ, продолжалъ опять, украшая рѣчь всевозможнымъ и невозможнымъ краснорѣчіемъ, и дошелъ еще разъ до предложенія одного изъ двухъ извѣстныхъ жениховъ.

Положенія вдовы становилось затруднительно: она должна была рѣшиться, и рѣшиться тотчасъ. Хотя ея выборъ былъ уже сдѣланъ; но она постигла, что оба предлагаемые жениха имѣли своихъ сообщниковъ и клеветовъ; слѣдственно назвавъ Султанъ-Ахметъ-Хома, она ставила противъ себя всѣхъ приверженцевъ Сурхая. Однако внезапное вдохновеніе, мгновенный, безотчетный изворотъ лукаваго женскаго ума, вывели ее изъ затрудненія.

Всѣ зрители ожидали рѣшительнаго отвѣта. Недобранныя четки остановились въ рукахъ. Царствующая глубокая тишина прерывалась лишь однимъ бѣніемъ благородныхъ сердець стариковъ. Одно сердце не билось сильнѣе обыкновеннаго — это сердце Кистеманы.

Правительница помолчала немного, потомъ опустивъ голову, съ достоинствомъ, но голосомъ тихимъ и грустнымъ, внятно произнесла: „слабая горлица, оставшаяся одинокою, предназначена насытить льва²⁾

¹⁾ *Пелерина*, превосходнѣйшая въ свѣтѣ жемчужина, принадлежавшая московскому жителю, Греку Зосиму. (См. выше, стр.)

²⁾ Левъ у азіатцевъ въ большомъ уваженіи и употребляется какъ аллегорія всѣхъ добродѣтелей мужскихъ; змѣя также презираема, какъ и вездѣ.

или змїя, она предпочитаетъ могучаго! „Едва выговорила, какъ Эеренди и за нимъ весь сонмъ вскричали: „счастливый Султанъ-Аметъ-Хамъ! Поздравляемъ тебя, Кистемана-Беке съ твоимъ выборомъ; да иначе тебѣ и не могло внушить твое благородное сердце!“

Вдова въ удивленіи подняла голову и какъ будто испуганная сказала: „Я никого не назвала!“ Эеренди въ недоумѣніи, съ нѣкоторымъ негодованіемъ спросилъ: кого-же она разумѣетъ подь названіемъ льва? „Вы всѣ пришли“ отвѣчала Кистемана „отъ имени народа просить меня выбрать въ мужа одного изъ двухъ соперниковъ. Какъ тотъ, такъ и другой мнѣ совершенно неизвѣстны; достоинства ихъ должны быть равны, когда вы ставите ихъ ровно въ своемъ предложеніи. Стремясь во всемъ возможномъ предугадывать всегда нужды и исполнять желанія Аварцевъ, которые для меня милѣе всего на свѣтѣ, я въ настоящемъ случаѣ покоряюсь вашему стремленію. Полная довѣренности къ вамъ и къ каждому изъ васъ, достойные мужи! я представила вамъ выборъ, будучи увѣрена, что вы это сдѣлаете лучше чѣмъ я сама. Вы назвали Султанъ Ахметъ-Хана, да будетъ такъ! Черезъ три дня совершится нашъ бракъ. „Послѣ этого Кистемана почтительно поклонилась всему собранію, встала, одна изъ женщинъ подала ей чадру и она съ восторгомъ въ душѣ, пошла обратно къ себѣ.

Дѣло рѣшено. Султанъ-Ахметъ-Ханъ будетъ мужемъ правительницы и признанъ старшинами и людьми почетными львомъ, а Сурхай остался змїемъ. Кому станетъ онъ мстить за такое оскорбленіе? Цѣлому народу, котораго депутаты нанесли ему этотъ позоръ и своимъ необдуманымъ восторгомъ разрушили всѣ его надежды, его партію, составленную цѣною сокровищъ, имъ расточенныхъ. Нѣтъ, не такъ думалъ Сурхай и не то объяснила ему мать! Вся вина на Кистеманѣ, на нее должны обрушиться его вражда и месть! Но слова правительницы безвредны, къ нимъ нельзя и придаться—тѣмъ хуже для нее! Подь видомъ преданности и покорности, въ ея семьѣ будетъ скрываться лютой врагъ, поклявшійся ей мстить, мстить безпощадно: если не удастся ей такъ ея поколѣнію, всему, дорогому ея сердцу!

Здѣсь встрѣчается странное сближеніе. Въ концѣ прошлаго столѣтія, королева Марія Антонія оскорбляетъ во Франціи распутнаго Герцога Орлеанскаго, и скрижали исторіи осквернены бѣдствіями Мадамъ Вато и омерзительными дѣлами гражданина Эгалите. Среди кавказскихъ дебрей, въ Аварскомъ ханствѣ, прекрасная Ханша, мудрая правительница, оскорбляетъ Аварскаго ченку—и наступаетъ кровавый Аварскій эпизодъ. Не служить ли это доказательствомъ, что вездѣ пороки и страсти человѣческія одинаковы?

Бракъ совершился въ назначенный день.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, покорный своему предназначенію и воинскимъ склонностямъ, въ честныхъ и успѣшныхъ набѣгахъ скоро пріобрѣлъ себѣ славное имя въ горахъ.

Умная и хитрая Кистемана, вѣрная предначертанной себѣ цѣли, несмотря на любовь и преданность къ ней мужа, не смотря на страстные чувства, которыя сама къ нему питала, немедленно по достиженіи Паху-Беке лѣтъ замужества, убѣдила и вынудила Султанъ-Ахметъ Хана развестись съ собою и взять за себя дочь ея.

Разводъ и новый бракъ наконецъ совершилось, и бразды правленія перешли въ руки мужа юной Паху-Беке. Кистемана осталась въ Хунзакскомъ Ханскомъ дворѣ; чѣмъ сильнѣе страдали ея чувства, тѣмъ болѣе она старалась заглушить ихъ въ нѣжно-страстной любви къ дочери; но ни любовь эта, ни глубокое уваженіе къ ней зятя и всего народа, благословлявшаго ее, не могли исцѣлить глубокихъ ранъ, нанесенныхъ ея чувствамъ. Она потухла искренно и всенародно обласкиваемая; даже и Сурхай жалѣлъ ее, однако не отчаявался смертію Кистеманы. Онъ жалѣлъ, потому что всѣ его старанія отмстить ей остались тщетны—случай не допустилъ его удовлетворить своей ненависти; а не отчаявался, потому что еще оставались Паху-Беке и Султанъ-Ахметъ-Ханъ, которыхъ покойная правительница любила съ самоотверженіемъ, всей силою благороднаго ея сердца.

Впрочемъ не завидна была доля Сурхая: послѣ рокового выбора мужа Кистеманю, почти всѣ купленные его приверженцы раскрыли глаза и мало по малу отъ него отстали, а имя змѣи осталось ему навсегда въ народѣ. Такъ часто въ свѣтѣ, самыя пресловутыя имена, достигшія до этой степени по безотчетной силѣ молвы, вдругъ однимъ счастливымъ словомъ ниспровергаются и предаются уже на всегда заслуженной брани и хулѣ. Сверхъ того, истощивъ большую часть своего наслѣдства, Сурхай не могъ болѣе покупать себѣ хвалы и приверженцевъ цѣною сокровищъ. Оставленный всѣми, этотъ ченка искалъ въ пьянствѣ и распутствѣ развлеченія чувствамъ злобы и кары, всюду его преслѣдующей столь же тяжело, сколько и совѣсть преступника, а потому служилъ соотчикамъ предметомъ соблазна, омерзения и посмѣянія. Не станемъ описывать Султанъ-Ахметъ-Хана; кто пожелаетъ съ нимъ познакомиться, тотъ можетъ прочесть прекрасную повѣсть Амалать-Бека.

Но пользуясь неограниченнымъ правомъ воздавать справедливое мертвымъ, постараемся доказать истинныя причины его коварныхъ

измѣнъ Россіи, столь несогласныхъ, повидимому, съ его врожденной храбростію—добродѣтелю служащей несомнѣннымъ доказательствомъ благородной и высокой души.

Во первыхъ, должно вспомнить, что лишь нравственное положеніе, называемое европейскимъ современнымъ просвѣщеніемъ, дѣлаетъ умъ человѣческой способнымъ понимать въ одно время различныя понятія и покорять противорѣчіе чувствъ разсудку. Человѣкъ же не передѣланный въ горнилѣ просвѣщенія, одностороненъ въ своихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ и поступкахъ—таковъ былъ и Султанъ-Ахметъ-Ханъ. Рожденный воиномъ, проведеній всю жизнь въ бояхъ, заслужившій уваженіе и любовь соотчичей посредствомъ воинскихъ подвиговъ, онъ былъ только воинъ, болѣе ничего, и путеводимъ одними воинскими правилами; слѣдственно, онъ не измѣнялъ имъ, когда подъ видомъ покорности Россіи, старался лишь усыпить ея бдѣніе для того, чтобы внезапно напасть на ея предѣлы и одержать выгоды въ сущности ничтожныя, но ласкавшія его самолюбіе и поддерживавшія воинскую его славу во мнѣніи народномъ. Онъ называлъ это военною хитростію.

Во вторыхъ, въ тѣ годы русскіе частные начальники, справедливо не довѣряясь ханамъ, старались всѣми мѣрами противопоставить имъ соперниковъ, которые, увлекаясь лестными надеждами, клеветали на своихъ владѣтелей, дѣлали на нихъ всевозможные извѣты и тѣмъ возставляли Русскихъ противъ нихъ. Это случилось и въ Лваріи, гдѣ палъ выборъ на Сурхая, чтобы противопоставить его Султанъ-Ахметъ-Хану. Само собою разумѣется, что ченка, кромѣ многихъ представлявшихся существенныхъ выгодъ, будучи заклятый врагъ хану и его семейству, не упустилъ случая отмстить ему.

Султанъ-Ахметъ-Ханъ, видѣвъ награды, которыя Русскіе съ свойственною имъ щедростію расточали на Сурхая; сравнивалъ свои достоинства съ его пороками, и тѣмъ терлась въ его глазахъ цѣна милостей, имъ самимъ получаемыхъ. Скоро потомъ онъ сталъ сильно оскорбляться отличіями, жалуемыми Сурхаю, который тогда уже снялъ всякую личину и явно оказывалъ хану беспредѣльную неависть, столь долго скрываемую непримиримую вражду. Хотя Султанъ-Ахметъ-Хану легко было приказать убить ченку, но проливая потоки крови въ битвахъ, ему никогда и на умъ не приходило гнусное убійство. Съ другой стороны народъ былъ доволея управленіемъ обожаемаго хана и не видя никакихъ залоговъ благополучія въ порокахъ Сурхая, состоявшаго подъ особымъ покровительствомъ гяуровъ, проливалъ съ ожесточеніемъ свою кровь за Султанъ-Ахметъ-Хана противу Русскихъ.

Не объясняетъ ли это причину столь долгой войны Аваріи съ Россією, которой благодѣтельное покровительство ей было со всѣхъ сторонъ выгодно? Какъ защитница хановъ и существующихъ правъ, Россія никогда не требовала отъ Аваріи ни налоговъ, ни пожертвованій, между тѣмъ какъ давала ханамъ чины, жалованье, подарки, и всегда оказывала этой землѣ свое могучее покровительство.

Наконецъ Сурхай достигъ своего. За измѣны и набѣги, Султанъ-Ахметъ-Ханъ былъ отрѣшенъ Русскими отъ ханскаго достоинства, а Сурхай назначенъ правителемъ Аваріи до совершеннолѣтія юнаго Нусаль-Хана, старшаго сына Султанъ-Ахметъ-Хана.

Изгнанный ханъ бѣжалъ отъ своихъ приверженцевъ въ горы, чтобы не навлечь, говорилъ онъ, на свое отечество бѣдствій, кровопролитія и разоренія. Онъ зналъ, что многіе положили бы за него свои головы, но онъ берегъ этихъ людей какъ послѣднюю надежду Аваріи. Султанъ-Ахметъ-Ханъ вскорѣ послѣ того погибъ безъ вѣсти, что часто случается на Кавказѣ. Сурхай, въ Хунзакѣ, первый узналъ о его смерти и объявилъ о томъ народу!...

Однако ченка не долго управлялъ Аварією. Ненависть народа, личные пороки и лихоимство, а пуще всего коварство, дѣлавшее его неблагонадежнымъ, убѣдили кавказское высшее начальство, отрѣшить Сурхая и поручить бразды правленія Паху-Беке во имя малолѣтнаго сына ея Нусаль-Хана.

У Паху-Беке, по смерти мужа ея, Султанъ-Ахметъ-Хана, осталось трое сыновей: Нусаль—наслѣдный ханъ, Умаханъ и Булачь, и одна дочь—Султанета, возлюбленная Амалать-Бека, какъ мы видимъ изъ повѣсти Марлинскаго.

Султанета была второй женой Абу-Мусейлимъ-Хана, шамхала тарковскаго, валія дагестанскаго, владѣтеля буйнакскаго и пр., по удаленіи имъ первой жены, утратившей свою молодость и прелести въ его объятіяхъ и послѣ рожденія ею сына. Какъ шамхальша Султанета не была безгласна: въ ней замѣчались многія черты ума и твердости духа ея бабки Кистеманы; но необузданная ревнивость, самовластіе и корыстолюбіе—страсти совершенно ее поработившія, удалили отъ нея сердце шамхала; къ тому же оспа въ совершеннолѣтіи и выросшій зобъ измѣнили прежнюю красоту ея лица. Чувственный шамхаль помышлялъ уже о новомъ бракѣ, когда представился случай, благоприятствовавшій его видамъ. Предпріимчивый ханъ мехтулинскій сваталъ за брата своего прекрасную собою и неизъяснимой доброты

вдову Кигели Кафыркумыкскую; Абу-Мусейлимъ-Ханъ укралъ ее и женился на ней. Вскорѣ послѣ того, оставивъ при себѣ сына и двухъ дочерей Султанеты, прогналъ мать ихъ въ 1842 году.

Султанета проживаетъ нынѣ, недалеко отъ Дербента, гдѣ проводить грустные дни, оплакивая утраченную красоту, величіе и отнятыхъ дѣтей, истощается въ бесполезной ревности и ненависти къ счастливой и кроткой Кигели-Беке Кафыркумыкской.

Паху-Беке управляла Аварією счастливо и спокойно, умѣла заслужить народную любовь, но коротки были для нея дни счастья! Родилось мюридство, и Газы-Мулла взволновалъ всѣ умы, проповѣдая всеобщее возстаніе мусульманъ. Умная Паху-Беке постигла, что религія служитъ лишь предлогомъ честолюбу, который стремится стать на обломкахъ владѣтельныхъ домовъ. Она спѣшила объявить себя противъ нововведенія и обмана; народъ послѣдовалъ ея примѣру. Правительница хотѣла изгнать изъ Аваріи Сурхай, который, она знала, имѣлъ тайныя сношенія съ мятежниками; но тщетны были ея старанія: обманутое русское начальство, видя въ этомъ вредныя замыслы Паху-Беке, требовало чтобы Сурхай оставался въ Хунзакѣ и даже имѣло съ нимъ постоянную переписку о дѣлахъ Дагестана.

Въ началѣ 1832-года, Газы-Мулла, привлеченный баснословными рассказами о сокровищахъ Аварскаго владѣтельнаго дома, подъ предлогомъ карать упорствующихъ въ вѣроотступничествѣ, пошелъ съ своими полчищами на Аварію и наконецъ обложилъ самый Хунзакъ.

Несмотря на слѣпое довѣріе и любовь Аварцевъ къ правительницѣ, Газы-Мулла нашелъ среди ихъ много послѣдователей. Съ одной стороны имъ представляли имана, какъ мужа угоднаго Аллаху, творящаго чудеса, муршата истины; самъ же онъ разжигаетъ рвеніе народа призывомъ къ священной войнѣ, доказывалъ кораномъ, что они обязаны идти на козаветъ и возбуждалъ фанатизмъ повторяя своимъ ратамъ 52-е стихъ IX главы Корана: „изъ двухъ достославныхъ жребіевъ насъ ожидаетъ одинъ—либо побѣда, либо мученическій вѣнецъ!“ Съ другой стороны гнусный Сурхай, тайными кознями подстрекалъ народъ покинуть своихъ хановъ и слѣдовать за возмутителемъ. Странно покажется, что всѣми презираемый этотъ человекъ находилъ послѣдователей коварнымъ своимъ совѣтамъ! Но когда поразмыслишь, тогда найдешь это довольно обыкновеннымъ и даже естественнымъ: возьмемъ примѣромъ *сатану*—всякой постигаетъ его и трепещетъ при мысли о наущеніи злого духа; многіе вѣрятъ въ его

существованіе, а очень, очень мало тѣхъ, которые ему не повинуются и не усердно служатъ!

Но возвратимся къ нашему предмету. Газы-Мулла осаждалъ Хунзака. Паху-Беке, убѣдясь, что ея ратники защищаются не горячо, будто нехотя, поняла что это происходитъ отъ недоумѣнія совѣстей— за кого имъ сражаться, чтобы быть угодно Аллаху, и постигая всю опасность, грозившую какъ ея семейству, такъ и всей Аваріи, она немедленно повелѣваетъ защитникамъ Хунзака выступить за стѣны и разсѣять полчища мятежника, но ея воины остановились! Они не отказываются отъ ея повелѣнія; но не исполняютъ его. Паху-Беке схватываетъ топоръ и выбѣгаетъ за стѣны осажденнаго мѣстечка, несется на непріятельскія толпы и кричитъ своему народу: „смотрите, робкіе Аварцы, какъ старуха защищаетъ мѣстопробываніе вашихъ хановъ! Кровь вашей ханши, вдовы Султанъ-Ахметъ-Хана да ляжетъ на ваши же неподобныя головы!“ Ратники, пристыженные мужествомъ Паху-Беке, бѣгутъ въ бой, опереживаютъ ее, ударяютъ на непріятельскія толпы—и мюриды опрокинуты, обращены въ бѣгство. Прокламація русскаго Сардаря всюду провозглашала примѣрный поступокъ Аварской вдовствующей ханши.

Вскорѣ послѣ этого Нусаль-Ханъ достигъ совершеннолѣтія и женился на Гебетъ-Беке, родной сестрѣ Абу-Мусейлимъ-Хана, шахмала Тарковскаго, мужа Султанеты. Послѣ брака своего, онъ утвержденъ русскимъ Сардаремъ Аварскимъ ханомъ и введенъ въ управленіе ханства подъ руководствомъ матери его Паху-Беке, которая назначена его пѣстуномъ и совѣтницей.

Управленіе Нусаль-Хана было нѣкоторое время довольно спокойно; но когда Гамзатъ послѣдовалъ Газы-Муллѣ, тогда русскій Сардарь требовалъ отъ юнаго хана и отъ Паху-Беке выдачи подвластнаго имъ мятежника, какъ было выше сказано. Напрасно мать и сынъ клялись, что не въ состояніи этого исполнить, хотя оно совершенно согласно съ ихъ собственными выгодами. Сардарь, обманутый ближайшимъ военнымъ начальствомъ, который ввѣрился наущеніямъ злонамѣреннаго Сурхая, не вѣрилъ клятвамъ Аварскаго владѣтеля и видѣлъ въ отказѣ лишь доказательство его соучастія въ мятежѣ, воздуваемомъ Гамзатомъ. Ченка старался всѣми мѣрами поддерживать эти подозрѣнія и былъ наконецъ виновникомъ, что русское начальство остановило выдачу пенсіона и жалованья, которое получали отъ правительства Паху-Беке и Нусаль-Ханъ.

Дѣла Аваріи принимали день отъ дня грознѣйшій видъ. Юный ханъ и мать его писали къ Сардарю и просили вспомошествованія

русскихъ войскъ, призывали шахмала тарковского, Ахметъ-Хана мехтулинскаго и хана казыкумыкскаго на помощь себѣ противъ общаго врага ихъ—Гамзата. Но Сардаръ, который не вѣрилъ грозившей опасности Аваріи, требовалъ прибытія Нусаль-Хана въ Тифлисъ; другіе же владѣтели Дагестанскіе—жалуясь на претерпѣнныя ими пораженія, отвѣчали, что, будучи вынуждены заботиться о самихъ себѣ, они не могутъ подать никакой помощи своимъ сосѣдямъ.

По обычаямъ Кавказа, владѣтелю удалиться изъ своихъ владѣній во время грозящей опасности есть позоръ, особенно когда хану восемнадцать лѣтъ, какъ было тогда Нусалу. Притомъ же самое положеніе Аваріи не позволяло ему оставить народъ, потрясенный сомнѣніемъ и колеблющійся рѣшить, чье дѣло правое—своихъ хановъ или имана? Въ подобныхъ обстоятельствахъ отъѣздъ владѣтеля къ гяурамъ служилъ бы поводомъ къ злнамѣреннымъ толкамъ и навѣрное рѣшилъ бы всѣ недоумѣнія въ пользу Гамзата,—и Аварцы конечно передались бы безъ всякаго отлагательства на сторону мюридовъ. Все это не укрылось отъ ума Паху-Беке, а чтобы угодить съ одной стороны Сардарю, а съ другой предупредить зло, она отправила въ Тифлисъ Умахана, второго сына своего, шестнадцатилѣтняго юношу съ описаніемъ опаснаго положенія Аваріи и прося убѣдительно немедленно прислать русское войско на помощь. Сама же зарыла большую часть семейныхъ сокровищъ въ землю, остальную отправила для храненія къ зятю свосму шамхалу тарковскому и дочери—Султанеты.

Умахаль былъ принятъ въ Тифлисъ очень неблагосклонно за то, что пріѣхаль онъ, а не владѣтель. Вскорѣ его отпустили назадъ въ Хунзакъ съ ничтожными подарками и многими наставленіями, какъ Аварскій Ханъ и мать его должны себя вести, чтобы доказать свою вѣрность Россіи, снабдили его письмами къ Нусаль-Хану, Паху-Беке и Сурхаю, въ которыхъ повторялись тѣ же постановленія и требованія выдачи мятежнаго Гамзата.

VIII.

Et de tous ces grands noms, profanateur sublime!
Tu jouas avec eux, comme la main du crime
Avec les vases de l'autel.

Lamartine: Ode à Napoléon.

По возвращеніи Умахана изъ Тифлиса въ Хунзакъ, двадцати пятидневное заточеніе Гамзата кончилось, а зловѣщее знамя Имана развѣвалось по прежнему на крышѣ его Хутокской сакли.

Народъ опять стекался отовсюду, благоговѣя передъ справедливостью и святостью своего учителя, который доказалъ, что въ благочестивой строгости своей онъ самъ себя не щадить. Умный и закоренѣлый врагъ Гамзата, Эракли-Магома, и этотъ на время умолкъ, предвидя, что всякое его слово противъ Имана, теперь лишь повредить ему самому.

Между тѣмъ злоба Сурхая не дремала: съ одной стороны, его гонцы отвозили къ ближайшему русскому начальнику извѣты на хана и на его мать; съ другой, онъ убѣждалъ Гамзата спѣшить воцареніемъ истиннаго ученія въ Хунзакѣ и призывалъ его карать все поколѣніе Аварскихъ хановъ за вѣроотступничество, за то, что они, изъ личныхъ видовъ, просятъ помощи гяуровъ противъ правовѣрныхъ Аварцевъ. Въ народѣ, Сурхай тайно распространялъ слухи, что ханы подкуплены гяурами и живутъ въ короткой съ ними связи, что они хотятъ уступить имъ своихъ подвластныхъ, которыхъ Русскіе будутъ брать въ солдаты, какъ они дѣлаютъ уже съ Казанскими татарами, и прочія нелѣпости. Онъ доказывалъ все это недавнею поѣздкою Умахана въ Тифлисъ и увѣрялъ, что изъ угожденія гяурамъ, Паху-Беке и сынъ ея призывали Аварцевъ на войну противъ праведнаго Гамзата и тѣмъ жертвовали какъ здѣсь, такъ и въ вѣчности своими соотчичами, ибо пророкъ въ *Премудрой Книгѣ* глаголетъ, что тотъ, кто падетъ на полѣ брани противъ поборниковъ истиннаго ученія, наследуетъ адъ.

Наконецъ, въ половинѣ Іюля 1834 года, рати Имана ринулись изъ Хутона—жерла всѣхъ воинскихъ сборовъ Гамзата—и осадили Хунзакъ, тѣсно и крѣпко обложивъ мѣстечко. Уже семь дней древнее мѣсто пребываніе Аварскихъ Хановъ было осаждено; непріятель истреблялъ поспѣвшіе хлѣба и тѣмъ лишалъ несчастныхъ Аварцевъ надежды на годовое пропитаніе, съ такимъ трудомъ добываемое на искусственныхъ уступахъ ихъ горъ.

Паху-Беке съ отчаяніемъ видѣла бѣдствія своего народа, тщетно ожидая помощи изъ Дагестана. Она замѣчала, что духъ осажденныхъ съ каждымъ днемъ упадалъ, голодь становился ощутителенъ, между тѣмъ доходили даже всюду зловѣщія слухи распространяемые Сурхаемъ. Соболебнуя о столькихъ бѣдствіяхъ, угнетающихъ Аварцевъ, она рѣшилась послать людей почетныхъ и вѣрныхъ усовѣстить Гамзата.

Иманъ притворился будто внимаетъ посланцамъ и обѣщалъ имъ войти въ переговоры съ мудрою Паху-Беке, говорить, что его требованія ограничатся однимъ возстановленіемъ истинной вѣры и тре-

буеть Булача, меньшаго брата Аварскаго Хана какъ залогъ, что на переговорахъ не будетъ измѣны.

Нѣжная мать со слезами обнимаетъ прекраснаго¹⁾ десятилѣтняго Булача и немедленно отправляетъ его заложникомъ къ Иману, который отсылаетъ ребенка въ Хутокъ.

Посланцы, отвезшіе оманата, получили дорогіе подарки отъ Гамзата и возвратились къ Нусаль-Хану съ увѣреніемъ, что Иманъ не забываетъ своего подданства Аварскимъ ханамъ и благоговѣтъ въ душѣ къ ихъ потомку. Но будучи теперь облеченъ Аллахомъ въ высокое званіе, онъ не можетъ быть уже подвластнымъ, а предлагаетъ юному хану свой союзъ и начальство надъ всеми полчищами собираемыми подъ Иманское знамя. Гамзатъ велѣлъ также сказать, что онъ ожидаетъ самаго владѣтеля съ отвѣтомъ, имѣя переговорить съ нимъ еще о другихъ предметахъ, касающихся до Аваріи.

Благородный юноша закипѣлъ негодованіемъ, бѣшенствомъ за дерзкія предложенія гнуснаго ченки его Ханства. Въ изступленіи онъ вскричалъ, что этотъ разбойникъ [такъ называлъ онъ Гамзата] не удостоится союза даже съ его трупомъ.

Паху-Беке, предусмотрительная, согбенная подъ бременемъ собственныхъ и народныхъ бѣдствій, тщетно старалась укротить пылкость сына, напрасно умоляла его, для блага всей Аваріи, согласиться ѣхать къ мятежнику и выслушать все его предложенія съ благоразуміемъ. Видя, что ея убѣжденія ни къ чему не ведутъ, старуха прибѣгнула къ послѣднему средству, сказала, что она понимаетъ хитрость юнаго хана: подъ притворнымъ гнѣвомъ его скрывается страхъ предстать предъ Гамзатомъ.

Едва произнесла Паху-Беке, какъ юный ханъ выскочилъ изъ комнаты, велѣлъ осѣдлатъ коня, вооружился и взявъ съ собою Умахана и восемь надежнѣйшихъ нукеровъ, отправился въ непріятельскій станъ.

Шатеръ Гамзата былъ раскинутъ на курганѣ, въ шести стахъ шагахъ отъ Хунзака, передъ нимъ развѣвалось знамя Имана—хоругвь мюридства. Карауль изъ 40 самыхъ надежныхъ и отчаянныхъ изувѣровъ новаго ученія, въ неутомимомъ бдѣніи, стерегъ его день и ночь.

¹⁾ Замѣчательно на Кавказѣ то, что породы хановъ, бековъ и узденей необыкновенно породисты: съ перваго взгляда ихъ можно узнать по правильности лица и благовидности. Не обязаны ли они этимъ кинжалу, карающему за малѣйшее подозрѣніе, внушенное ревностію?

Ханъ со свитой своей поѣхалъ прямо къ шатру, слѣзъ съ лошади, спутники его сдѣлали тоже, и вошелъ въ шатеръ, который нашелъ пустымъ. Въ числѣ караульныхъ было много Аварцевъ изъ Хутокскаго селенія: они тотчасъ узнали пріѣзжихъ. Шамиль, будущій преемникъ Гамзата, Муратъ-Бекъ и Чонанъ-Бекъ—оба племянники Имана, Магома Гаджи Ява Оглы—молочный братъ Нусаль-Хана¹⁾ и Деберсеулъ Магома Ирганайской—первый мюридъ Гамзата, окружали ставку: всѣ эти люди отличались изступленнымъ своимъ фанатизмомъ.

Нусаль-Ханъ слышалъ изъ шатра какъ Деберсеулъ-Магома Ирганайской нагло говорилъ брату его Умахану, оставшемуся извнѣ съ нукерами, что по шеріату, за послушаніе противу Имана, должно наказать Аварскаго Хана и его брата сорока однимъ ударомъ палокъ; въ слѣдъ за этимъ раздался выстрѣлъ пистолета, пылкій юноша отвѣчалъ дерзкому мюриду, повергнувъ его мертвого на землю. Нусаль-Ханъ выбѣгаетъ изъ шатра и въ то же мгновеніе Магома-Гаджи-Ява-Оглы, питавшій кровавую месть къ молочному брату за смерть двухъ своихъ братьевъ, казненныхъ за измѣну, раскраиваетъ Хану, ударомъ шашки, лѣвую щеку съ частию челюсти, а Муратъ-Бекъ кинжаломъ закалываетъ Умахана, между тѣмъ какъ Чонанъ-Бекъ доканчиваетъ раненаго. Юный Ханъ, поддерживая одною рукою отвалившуюся щеку, другою опрокидываетъ ружейнымъ выстрѣломъ Чонанъ-Бека смертельно раненаго, потомъ выхватываетъ пистолетъ и убиваетъ на повалъ Муратъ-Бека: наконецъ обнажаетъ шашку и съ помощію своихъ нукеровъ, красивый и стройный юноша, одаренный необычайною силой, изрубаетъ на смерть весь караулъ Имана. Выбѣжавшія изъ стана толпы, объята паническимъ страхомъ при этой отчаянной сѣчѣ, стоятъ вдали и не дерзаютъ принять участіе въ этомъ побоищѣ. Къ Хунзакѣ все уже зашевелилось, собирались бѣжать на помощь юному герою—Нусанъ-Хану, который, изрубивъ всѣхъ окружающихъ, въ изступленіи бросается на толпу зрителей; она отступаетъ, удаляется и наконецъ обращается въ бѣгство. Но тутъ послышался голосъ Шамиля, остававшагося у шатра съ Магмедъ Гаджи-Ява-Оглы, который говорилъ: „Бѣгите. бѣгите скорѣе за веретенами, женоподобные трусы! авось ими удасться вамъ заколоть безбородаго²⁾ юношу. Срамники! Стрѣляйте же въ него изъ ружей, развѣ не видите, что у него только шашка!“ Магома-Гаджи-Ява-Оглы услышалъ голосъ, обличающій его товарищей въ позорной тру-

¹⁾ Молочный братъ или сестра считается на Кавказѣ наравнѣ съ самымъ близкимъ кровнымъ родствомъ.

²⁾ Въ Азіи, покуда мужчины не имѣютъ бороды, они угодобляются женщинамъ.

сости, въ жадномъ влеченіи мести, онъ подбѣгаетъ къ Нусаль-Хану сзади и застрѣливаетъ его.—Тѣло Нусала, Умахана и восьми нукеровъ немедленно растерзаны, поруганы, посрамлены толпою, желающей отмстить на трупахъ свое бѣгство и свой позоръ.

Среди труповъ мюридовъ, одинъ еще шевелится—это Чопанъ-Бекъ; онъ требуетъ скорѣе своего отца; Иманъ—Алій подходитъ и нагибается къ сыну, который умирающимъ голосомъ говоритъ ему: „Отецъ! я совершилъ сей часъ тяжкій грѣхъ; ты одинъ можешь спасти меня отъ справедливой и неумолимой кары Аллаха! Я поднялъ руку на безвреднаго Умахана, ты сегодня лишаешься обѣихъ своихъ сыновей отъ руки Аварскаго Хана; по шеріату тебѣ принадлежитъ его меньшей братъ, а мой молочный—это Булачъ. Возьми его, да замѣнишь онъ тебѣ и матери моей, его кормилицъ, двухъ вашихъ сыновей! Всякія ласки ваши Булачу будутъ служить облегченіемъ моимъ замогильнымъ мученіямъ; поклянись, что исполнишь мое завѣщаніе!“ Отецъ далъ клятву, и Чопанъ-Бекъ испустилъ духъ. На другой же день Булачъ замѣнилъ его мѣсто въ родительскомъ домѣ Хутоха.

Послѣ этой ужасной сѣчи, Гамзатъ, притворившись полнымъ негодованиемъ за убійство Аварскихъ Князей, вошелъ торжественно, безъ сопротивленія, въ Хунзакъ и занялъ Ханскій дворецъ. Паху—Беке, Гебетъ—Беке и Сурхай были арестованы, и обѣ ханши выведены изъ двора Аварскихъ Князей.

Хитрый Гамзатъ, чтобы угодить народу, который втайнѣ оплакивалъ своихъ Хановъ, казался глубоко огорченный кровавыми происшествіями, имъ самимъ подготовленными, чтобы сгладить себѣ всѣ пути и удовлетворить вполнѣ своему честолюбію.

На слѣдующій день по занятіи Хунзака, Гамзатъ собралъ свои полчища, все духовенство, старѣйшинъ и людей почетныхъ и торжественно принялъ названіе Имана-Азама, въ силу завѣщанія Газы-Муллы. Потомъ въ рѣчи полной лицемѣрія изъяснилъ въ жаркихъ выраженіяхъ печаль свою о убіеніи Аварскаго Хана, сообщилъ свое намѣреніе жениться на вдовѣ Нусала, какъ скоро она разрѣшится отъ бремени, прежде же было невозможно, ибо оно запрещалось Кораномъ. Иманъ просилъ все собраніе помочь ему принести утѣшеніе несчастной Паху-Беке, лишившейся столь ужасно своихъ двухъ сыновей и послалъ тотчасъ за нею двухъ мюридовъ изъ самыхъ надежныхъ; другихъ отправилъ за Сурхаемъ.

Гебетъ-Беке была внѣ всякой опасности: во первыхъ, беременность, въ которой она осталась послѣ Нусала, ограждала ее отъ злобы правовѣрныхъ; во вторыхъ, она была сестра сильнаго въ Дагестанѣ князя, Шамхала Тарковскаго. Гамзатъ, опасаясь ея брата, не смѣлъ покушаться на жизнь и свободу юной вдовы; при томъ Иманъ Азамъ, женившись на ней, имѣлъ въ виду безпрепятственно преступить послѣднюю ступень ведущую къ ханскому достоинству, хотя власть его была въ сущности уже признана. Будущій же сынъ Гебетъ-Беке не затруднял Гамзата: онъ зналъ, что жизнь не прочна и что есть много средствъ избавиться отъ лишняго ребенка. Всѣ этѣ причины заставляли его окружать Гебетъ-Беке всевозможнымъ вниманіемъ. Нельзя было разлучить и съ свекровкою, а между тѣмъ страшились вліянія твердаго духа и ума старухи на неопытную вдову; виѣшнихъ заступниковъ Паху-Беке не имѣла; любовь народа, испуганнаго недавними ужасами и мнимою властію Имана Азама, не представляла теперь никакого опасенія. Посланные Гамзата пришли звать старуху къ Иману. Паху-Беке, отъ всѣхъ бѣдствій перенесенныхъ ею столь внезапно, впадшая въ какое-то безчувственное оцѣпененіе, пошла, сама не зная куда и зачѣмъ. Ее повели мимо кручи, сравненной нами съ Тарпейскою скалою; тутъ одинъ изъ мюридовъ сорвалъ безъ сопротивленія чадру съ старухи, другой въ тоже мгновеніе ударомъ шашки снялъ съ нея голову, и, бросивъ ее вмѣстѣ съ трупомъ въ Аварскій Койсу, изувѣры пришли объявить, что, проходя мимо рѣки, вдовствующая ханша бросилась въ нее и погибла. Все собраніе не могло удержаться отъ изъясненія сильной печали; Гамзатъ не отсталъ отъ другихъ: всѣ видѣли, какъ онъ скорбѣлъ о плачевной участи несчастной ханши. Но вскорѣ это чувство было прервано приходомъ Сурхая. Развратъ совершенно измѣнилъ прежнюю благовидность ченки: его лицо опухло отъ чрезмернаго пьянства, глаза потускли, щеки и носъ побагровѣли, все вмѣстѣ дѣлало его видъ столь же отвратительнымъ, сколько дѣла его внушали омерзения и презрѣнія.

Гамзатъ спросилъ Сурхая, зачѣмъ онъ желалъ предстать предъ нимъ.

„Иманъ Азамъ!“ отвѣчалъ трепещущій ченка: „по правамъ наслѣдства, я теперь Ханъ Аварскій! Прошу тебя именемъ Аллаха вразумить меня, какъ управлять народомъ: въ залогъ моей вѣрности возьми аманатомъ мою мать—никого ближе не имѣю—и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю тебѣ всѣ сокровища Аварскаго владѣтельнаго дома!“

Гамзатъ окинулъ взоромъ все собраніе и увидѣвъ во взглядѣ всѣхъ сильное негодованіе, произведенное словами Сурхая, не скрывая своего гнѣва, ему молвилъ:

„Презрѣнный ченка! Какія твои права? Ты забываешь Булача Аварскаго и дѣтище храбраго Нусаль-Хана, скрывающееся еще въ чревѣ матери? Забываешь самую вдову? Или твои права основаны на твоей преступной жизни, на твоёмъ распутствѣ, постыдномъ предъ людьми, на измѣнахъ твоимъ ханамъ и родственникамъ, на гнусныхъ ковахъ, внушенныхъ дерзкимъ честолюбіемъ, на ненависти къ твоимъ братьямъ—противной Аллаху, или они основаны на дружбѣ твоей съ гяурами, свиноѣдами? Нѣтъ, Сурхай! Такая жизнь, по шеріату даетъ тебѣ право не на ханство Аварское, а на другое!“

Послѣ этого Иманъ открылъ коранъ, пробѣжалъ въ полголоса, невнятно, нѣсколько стиховъ, потомъ обратился къ Мюридамъ, приведшимъ ченку, громко и торжественно сказалъ имъ: „Именемъ Аллаха, Всесправедливаго, да будетъ прославлено Имя Его!—приказываю немедленно отрубить голову Сурхайю, Аварскому ченкѣ, а мать его Шахъ-Беке предать справедливой мести народа!“ Едва кончилъ Иманъ, какъ Мюриды схватили Сурхая, вывели его и за порогомъ ханскаго покоя исполнили смертный приговоръ, произнесенный надъ нимъ; потомъ тѣ же Мюриды спѣшили принять на себя обязанность народной кары и умертвили Шахъ-Беке. Оба эти трупа бросили въ Аварскій Койсу, съ той же самой скалы, откуда за полчаса передъ тѣмъ кинули обезглавленное тѣло Паху-Беке. Быть можетъ эти три тѣла, увлеченныя потокомъ рѣки въ Каспій, легли купно въ глубинѣ лона морскаго! И смерть соединила тѣхъ, которые не могли быть союзниками на землѣ!

IX.

Guerre aux tyrans, poussons le cri de délivrance,
Et la victoire y répondra.

Guerre aux tyrans! jamais en France
Jamais l'anglais ne règnera.

Casimir Delavigne. Charles VII.
A défaut de clarté, il nous compte un désir.
La voix qui crie Alla! la voix qui dit mon Père,
Lui portent l'emens pur et l'emens adultère:
A lui seul de choisir.

Lamartine.

Всѣ жители Хунзака, обоихъ половъ, собирались къ Гебетъ-Беке. по туземному обычаю раздѣлить съ ней горе въ утратахъ, ее постигшихъ. Всѣ подходили къ порогу вдовы съ восклицаніями горести.

Переступивъ за порогъ, женщины рвали на себѣ косы, мужчины свои бороды; всѣ раздирали въ кровь щеки и лбы ногтями, при вопляхъ отчаянія и сильныхъ рыданіяхъ.

Лишь два молочные брата Умахана—Османъ и Аджи-Муартъ, извѣстные неліцемерною своей привязанностію къ покойному юному хану, одни не шли къ злосчастной вдовѣ. Оскорбленная такимъ поведеніемъ, столь противнымъ обыкновеніямъ ихъ страны, Гебекъ-Беке посылаетъ спросить причину этого непонятнаго поступка.

„Скажи Ханшъ,“ отвѣчалъ Османъ посланцу въ неизяснимой скорби—„что брагъ и я—мы стыдимся¹⁾ видѣть, стыдимся и показаться соотчичамъ, покуда по обычаямъ святой старины, кровь возлюбленныхъ нашихъ хановъ не отмщена.“

Эти слова разошлись тотчасъ по всему Хунзаку, дошли до Гамзата и возбудили въ немъ подозрѣнія. Иманъ поручаетъ немедленно надзоръ за Османомъ и Аджи-Муратомъ ихъ двоюродному брату Магомъ-Гаджи-Ява-Оглы.

Прошли два мѣсяца. Гамзатъ все это время только помышлялъ, какъ укорениться на ханствѣ Аваріи. Тщетно умолялъ онъ брата своего, Имать-Алія, выдать Булача подъ предлогомъ возратить ему наследство предковъ; Имать-Алій, зная что у него просить питомца на закланіе, рѣшительно отказался отъ исполненія этой просьбы. Между тѣмъ закоренѣлый врагъ Гамзата, Эракли Магома пробудился отъ минутнаго летаргическаго сна: не теряя времени, онъ всюду разсылалъ въ горы гонцовъ, которые провозглашали Имана похитителемъ Аварскаго ханства и его сокровищъ, обличали его въ дерзостномъ властолюбіи, въ безбожномъ ханубійствѣ и представляли всѣмъ горнымъ жителямъ, что они отвѣчаютъ передъ Аллахомъ за дни Булача. Эти всѣ обстоятельства убѣдили Гамзата въ невозможности уничтожить послѣдняго изъ Аварскихъ Хановъ,—и онъ, отложивъ это намѣреніе до удобнѣйшаго времени, рѣшился всѣми мѣрами привязать къ себѣ Аварцевъ, пріучивъ ихъ мало по малу къ своей власти.

Иманъ видѣлъ необходимость изгладить изъ одной памяти недавнія убійства. Заглушить эти воспоминанія въ тревожной боевой жизни было бы совершенно согласно съ нравами этихъ людей; но какъ это сдѣлать? На призывъ Гамзата, Аварцы не подымутся на брань; на прежнихъ союзниковъ онъ не можетъ болѣе полагаться, послѣ неу-

¹⁾ У кавказцевъ стыдъ есть выраженіе самаго сильнаго, глубокаго ощущенія.

щений Эраклы Магомы, который предалъ Имана всеобщему порицанію и ненависти. Гамзатъ прибѣгнулъ къ единственному оставшемуся средству: онъ занялъ Аварцевъ молитвою и старался раздуть въ нихъ, какъ можно сильнѣе, религіозный фанатизмъ.

Такимъ образомъ Иманъ силился утвердиться во власти, пріобрѣтенной имъ гнусною измѣной и постыднымъ рядомъ убійствъ, когда въ первыхъ числахъ Сентября, въ вечеру, Магома Гаджи-Ява-Оглы пришелъ извѣстить его, что Аджи-Муратъ съ братомъ рѣшились убить Гамзата и сами ему сознались въ томъ, приглашая и его участвовать въ заговорѣ, но когда намѣрены они совершить преступленіе—еще не рѣшено. Хотя Магома-Гаджи-Ява-Оглы говорилъ тихо, но нѣкоторыя слова его долетѣли до слуха Калишъ-Бека Аварскаго, стоявшаго за окномъ кунакской Гамзата и присланнаго тайно отъ Эраклы Магомы въ Хунзагъ съ тѣмъ, чтобы попытать: нельзя-ли возбудить Хунзаковъ къ возстанію и свергнуть иго, положенное на нихъ Иманомъ.

На слѣдующій день была джюнга. Всѣ правовѣрные должны были собраться въ мечеть на молитву. Первою мѣрой предосторожности, взятою Гамзатомъ, было запретить подъ опасеніемъ смертной казни, являться кому бы то ни было въ мечеть вооруженнымъ¹⁾.

Калишъ-Бекъ, простоявъ немного подъ окномъ Гамзата, спѣшить къ своему пріятелю Аджи-Мурату и находить его за трапезой въ семейномъ кругу, состоявшемъ изъ отца его, дряхлаго старика и Османа брата Аджи-Мурата, старшаго его двумя годами. Пріятель Калишъ-Бека былъ юноша лѣтъ 20, статный и средняго роста: въ строгомъ выраженіи лица его, покрытаго теперь блѣдностію отъ заточенія, на которое онъ себя присудилъ съ дня смерти Нусаль-Хана, замѣтна была глубокая скорбь. Оба брата были чрезвычайно сходны между собою какъ чертами, такъ и выраженіемъ лица. По приглашенію хозяевъ Калишъ-Бекъ сѣлъ за трапезу, послѣ которой они совершили омовеніе и тогда гость тихо разсказалъ Аджи-Мурату причину его посѣщенія. Онъ договаривалъ еще послѣднія слова, когда кто-то постучался у наружной двери; ее отперли и Магома-Гаджи-Ява-Оглы вошелъ. Сказавъ *саламъ олекумъ* онъ прибавилъ: „братья! я къ вамъ пришелъ шаушомъ (десятникомъ) пеі едать приказаніе Имана, чтобы завтра никто не смѣлъ, подъ опасеніемъ смертной казни, являться въ мечеть вооруженный. Прошайте, уже поздно! а многимъ еще надо тоже объявить. Аджи-Муратъ, проводи меня.“ Когда оба вышли вмѣстѣ, шаушъ ска-

1) У кавказцевъ кинжалъ есть необходимость и не включается въ число вооруженія.

залъ двоюродному брату своему: „послушай, Аджі Муратъ! Не должно откладывать убійство ченки: видишь, онъ уже запрещаетъ носить храбрымъ Аварцамъ оружіе, хотеть сдѣлать изъ насъ бабъ; всѣ очень недовольны этимъ повелѣніемъ. Рѣшайся же скорѣй, право я теряю терпѣніе!“

—Какъ же ты хочешь меня торопить—отвѣчалъ Аджі Муратъ: вотъ уже два мѣсяца, какъ я не выхожу изъ дому? теперь, когда выйду, все вниманіе будетъ обращено на меня, и, разумѣется, ничто не удастся; но погоди немного, если допустить Аллахъ, успѣемъ выполнить свое намѣреніе!

Магома Гаджи-Ява-Оглы стремглавъ побѣжалъ извѣстить Гамзата, что его жизнь еще не въ опасности; а Аджі Муратъ заперевъ крѣпко дверь не велѣлъ никого болѣе впускать. Вошедъ въ комнату, гдѣ оставались отецъ и братъ съ гостемъ Аджі-Муратъ разсказалъ имъ свой разговоръ съ шаушемъ и передалъ отцу, сказанное ему Кометь-Беккомъ. Старикъ погрузился въ глубокое и грустное размышленіе, даже слеза блеснула въ его тусклыхъ очахъ. Но вдругъ глаза просіяли, лице озарилось вдохновеніемъ и старикъ торжественно произнесъ: „Сыновья! опасность вамъ грозящая затмила было мой разумъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ я думать, что совершивъ убійство, вы уцѣлѣли бы? Нѣтъ сомнѣнія, что окружающіе Имана васъ въ тоже мгновеніе растерзаютъ. Нѣтъ, дѣти! не станемъ заблуждаться: какъ прежде, такъ и теперь—вы обречены на жертву! Но ожидающія васъ гоненія злобнаго Гамзата, да содѣлаютъ мудрѣе и рѣшительнѣе, да уско-рятъ исполненіе вашего замысла! Вы это должны для себя, чтобы не томиться въ ежечасныхъ опасеніяхъ! для чести и блага и родины своей! Какой позоръ покроетъ въ грядущемъ Аварію, если посреди ея сыновъ не найдется ни одного, кто-бъ отмстилъ за кровь хановъ, измѣннически пролитуую! Какой срамъ ляжетъ на родину нашу, если не найдется никто, кто-бъ подвинулся на священную комлу (кровомщеніе)! Подумайте! что будетъ съ Аварцами, если этотъ злодѣй хан-убійца, утвердится на всегда на ханскомъ сѣдалищѣ! Какія неисчисленныя бѣдствія станутъ терзать Аварію! Откладывать нечего: спасенія на землѣ вамъ нѣтъ! Заклинаю васъ, завтра же кончить все, покуда Гамзатъ не успѣлъ принять всѣхъ мѣръ предосторожности! Послѣ завтра, быть можетъ, уже будетъ поздно, и вы погибнете безъ пользы для себя, безъ пользы для родины святой! И ужасъ вашей казни оцѣпнитъ всѣхъ замышляющихъ отмстить за кровь князей! Тебѣ спасибо, Калишъ-Бекъ, за извѣщеніе; но въ настоящее время, благоразуміе не позволяетъ ввѣряться никому; по этому ты не оставишь моего дома до

тѣхъ поръ, покуда дѣти мои не совершатъ убійства, возложеннаго на нихъ долгомъ и честію.⁴

Блѣдное лицо Аджи Мурата покрылось слабымъ румянцемъ. Взглянувъ на брата, онъ прочелъ во взорѣ его чувства, волновавшія юношу и съ жаромъ отвѣчалъ: „Отецъ! мудры слова твои и свято исполнена будетъ воля твоя! Давно уже это цѣль брата и моя: но когда насъ не станетъ, ты останешься одинокій: кто предастъ тебя, дряхлаго старца, землѣ—последнее убѣжище каждаго, когда смертный часъ твой наступитъ? Калишъ-Бекъ! ты давній другъ мнѣ: успокой меня и брата—поклонись намъ призрѣть отца, когда насъ не будетъ!“

—Само собою разумѣется—отвѣчалъ спокойно гость, нисколько не измѣнивъ вида своего:—но если ты хочешь клятвы, даю ее тебѣ; только въ такомъ случаѣ даю, когда вамъ обоимъ удастся убить Гамзата, иначе я даю торжественный обѣтъ или отмстить за своихъ хановъ и за тебя,¹⁾ или самъ погибнуть.

Старикъ въ избыткѣ чувствъ всталъ и обнялъ гостя. Послѣ того всѣ разошлись спать, положивъ, что отецъ долженъ обдумать, какимъ образомъ исполнить убійство, или по выраженію его—справедливый приговоръ Аллаха. Молодые люди заснули спокойно, обреченные на неизбежную смерть; но они не страшились ея, не опасаясь гласности дѣла, доведшаго ихъ до плахи. Они покупали благодарность соотчичей, признательность потомства жизнію, которую съ восторгомъ жертвовали на славное по ихъ убѣжденію, и справедливое дѣло!

Не то было съ Гамзатомъ. Всю ночь валялся на постели онъ томимый бессонницей; тщетно искалъ онъ спокойствія отъ мыслей и не находилъ: открытіе заговора противъ его жизни пробудили властолюбца отъ упоенія величія. Какія противорѣчія должны были сталкиваться въ его умѣ! Какіе страшные вопросы онъ долженъ былъ себѣ дѣлать! Найдеть ли онъ защиту и убѣжище отъ злоумышленниковъ въ любви народной, въ преданности своихъ приверженцевъ и окружающихъ? Поклонники ли они его добродѣтелей или власти, достигнутой посредствомъ столькихъ злодѣйствъ? Но какія же его добродѣтели? Когда и въ чемъ онъ ихъ явилъ? А власть, съ какою цѣлью онъ ее стяжалъ

1) На Кавказѣ, всякій человѣкъ предпринимающій что либо, избираетъ себѣ товарища: оба обязываются взаимною клятвой помогать другъ другу и мстить одинъ за другого. На войнѣ, если одинъ убитъ, другой долженъ вынести изъ боя его трупъ, когда же онъ этого не выполнитъ, то подвергается всеобщему презрѣнію и негодованію. На него смотрятъ какъ на плѣнника.

и поддерживалъ столь многими казнями и гоненіями? Или мудрымъ управленіемъ, онъ основалъ благосостояніе народа, содѣлалъ его лучше и нравственнѣе? Нѣтъ! но онъ завѣрилъ, что наставляетъ его на стезю спасенія. Хорошо—если народъ повѣритъ этому: а какъ онъ достигнетъ, что ты, Иманъ Азамъ, проповѣдывалъ то, что самъ не исполняешь и чему самъ не вѣришь! что ты употребляешь вѣру, какъ средство достигнуть власти, которую въ свою очередь употребляешь не для блага ближняго, но чтобы обогатиться и насытить свое алчное властолюбіе, удовлетворить гнустнымъ влеченіямъ души твоей! Куда дѣнутся тогда, святой мужъ! призраки твоего величія, твоего благочестія, твоей мудрости. Скрыты ли еще довольно твои каверзы въ ряду преступленій, тобою внушенныхъ, чтобы достичь теперяшняго твоего положенія? Вѣритъ ли народъ, что ты не участникъ въ пролитой крови!

Скажи, Гамзатъ, когда и гдѣ нанесется тебѣ смертный ударъ? Укажи, какую часть тѣла постигнетъ смертоносная рана? Ужасна твоя ночь, Гамзатъ! Но не заблуждайся, ты никого не обманываешь, кромѣ самаго себя, всѣ тебя видятъ, знаютъ, понимаютъ. Гнустность, пороки, низость твоего права всѣмъ извѣстны!

Первые лучи солнца едва освѣтили Хунзакъ. Османъ, Аджи-Муратъ и Калишь-Бекъ уже сидѣли вмѣстѣ въ кунакской, гдѣ наканунѣ произнесенъ былъ смертный приговоръ Гамзату. Наконецъ и старикъ, согбенный лѣтами, вошелъ туда же: онъ несъ въ рукѣ тяжелый узелъ. Послѣ взаимнаго мусульманскаго привѣтствія, предалъ сыновьямъ все придуманное имъ въ ночь для исполненія угоднаго Аллаху дѣла; потомъ развязалъ узелъ, вынулъ изъ него блестящую колчугу и сказалъ:

„Вотъ родовый панцырь нашей семьи: много острыхъ лезвеевъ и мѣткихъ пуль на немъ останавливалось—одинъ онъ только и есть въ нашемъ родѣ! Одинъ изъ васъ, сыновья мои, долженъ сегодня его надѣть. Ты, Османъ, старшій въ родѣ послѣ меня: по законамъ наследства, панцырь принадлежитъ тебѣ. Надѣнь его, и да защититъ онъ тебя отъ вражескихъ ударовъ, какъ уже много разъ служилъ онъ твоимъ предкамъ!“

—Не мудры слова твои, отецъ!—отвѣчалъ Османъ.—Я жилъ на свѣтѣ больше брата: я старшій, слѣдственно послѣ тебя, мнѣ хранить двѣ Аджи-Мурата. Отдай панцырь брату пускай онъ надѣнетъ его тотчасъ.—

„Нѣтъ! по справедливости законовъ. панцырь принадлежитъ Осману и я его не надѣну сказалъ твердымъ голосомъ Аджи-Мурать.— Тѣмъ болѣе что братъ объявилъ уже мнѣ,—по праву старшинства ему должно нанести первый ударъ Гамзату, и онъ не уступитъ мнѣ этого права. а такъ какъ первый ударъ все рѣшить, то и панцырь мнѣ не нуженъ.“

—Отецъ и старшій братъ повелѣваютъ тебѣ облечься въ кольчугу—возразилъ старикъ—не ослушайся старшихъ, возьми и надѣнь сейчасъ панцырь; да спасетъ онъ нынѣшній день твою жизнь! Смотри, не попирай власти поставленной Богомъ надъ тобою въ тотъ день, когда ты готовишь руку на исполненіе приговора Великаго Аллаха!

Аджи-Мурать покорился. Молча онъ снялъ съ себя черкеску и облекся въ кольчугу. ¹⁾

Полдень приближался. Уже муэдзинъ на минаретѣ Хунзакской ханской мечети, протяженнымъ голосомъ, сзывалъ правовѣрныхъ къ Азанъ-намазу (полуденная молитва). Духовенство и народъ шли къ мечети: всѣ лица были строги и постны. какъ расколь, которому они приобщались.

Хунзакская ханская мечеть находилась на площади, не подалеку отъ воротъ ханскаго двора. Это длинное и узкое строеніе изъ дикаго камня, поросшаго мхомъ. Темныя стѣны, закоптѣлыя временемъ, и бурьянъ, растущій на плоской крышѣ, свидѣтельствуютъ о ея древности. Мечеть раздѣляется на двѣ узкія, длинныя галереи посредствомъ двухъ вальжныхъ столбовъ, поддерживающихъ грубые своды потолка. Въ южной стѣнѣ прислоненъ возвышенный амвонъ для проповѣдника и вѣчно теплятся три лампы, прикрѣпленныя къ потолку. Окно весьма мало и тѣ сдѣланы бойницами. такъ что пропускаютъ очень немного свѣта. Стѣны выштукатурены глиною и покрыты красною краской подъ лакомъ. и во всѣхъ направленіяхъ написаны черными и золотыми буквами стихи изъ Корана. Одна дверь въ сѣверной стѣнѣ служитъ общимъ входомъ.

Народъ наполнялъ мечеть, благочестиво преклонивъ колѣно. Впереди были Османъ и Аджи Мурать на лицахъ ихъ покрытыхъ не-

¹⁾ Кавказцы носятъ выше рубашки бешметъ, стеганный на ватѣ, а сверхъ всего черкеску изъ туземнаго сукна. Когда же они въ панцырь, то этотъ надѣвается на бешметъ подъ черкескою. Панцырьники никогда не снимаютъ кольчуги, даже и дома, вѣроятно, чтобы не отвыкнуть отъ ея тягости.

обычайной блѣдностію, выражалось чувство совершенной покорности предопредѣленію. По обыкновенію принятому многими въ этой странѣ, они имѣли на плечахъ бурки, что очень способствуетъ скрытію оружія, когда въ томъ случается надобность.

Въ толпѣ пробѣжалъ шопоть: „Иманъ-Азамъ идетъ!“ И въ слѣдъ за тѣмъ дверь мечети распахнулась настезь, благовидный и стройный Гамзатъ вошелъ: онъ былъ въ бѣлой черкескѣ опушенной черною тесьмой; подъ черкескою, на бешметѣ его проглядывалъ поясъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ: голова Имана была обернута красною чалмой! Онъ шелъ, окруженный по обычаю Аварскихъ хановъ, какъ шла нѣкогда Кистемана-Бека изъ терема въ кунакскую, принимать народную депутацію. Подойдя ко входу, стража Гамзата остановилась, а онъ переступилъ за порогъ и продолжалъ идти къ южной сторонѣ, потупивъ взоръ съ притворнымъ благочестіемъ. Народъ въ глубокомъ молчаніи оставался на колѣняхъ.

Османъ одинъ всталъ и громко сказалъ собранію: „Развѣ не видите что идетъ великій мужъ? Вставайте же!“ Всѣ безмолвно встали.

Гамзатъ, вѣроятно занятый доносомъ, ему наканунѣ сдѣланнымъ, уподоблялся приговоренному, идущему на казнь, который по свойственному человѣку чувству, дѣлается крайне суевѣренъ и во всякой бездѣлицѣ видитъ благое предзнаменованіе, толкуя все въ свою пользу, и до самой послѣдней минуты, съ слѣпою вѣрою, ласкаетъ себя надеждою, что казнь его будетъ отмѣнена, хотя бы нѣкіимъ чудомъ давно истекшихъ вѣковъ. Услышавъ голосъ Османа, Иманъ невольно содрогнулся и поднялъ глаза на говорящаго: но услышавъ смыслъ словъ, онъ съ выраженіемъ ласковой благодарности опустилъ взоръ и продолжалъ идти къ своему мѣсту.

Впереди всѣхъ былъ посланъ длинный и узкій коверъ. Тамъ, снявъ черкеску, Иманъ остался въ бешметѣ и сѣлъ на коверъ, разувшись. онъ сталъ совершать предмолитвенное омовеніе¹⁾ въ поданномъ ему тазѣ. Османъ, который до нельзя откладывалъ свое намѣреніе, тутъ подошелъ къ нему и твердымъ голосомъ, громко сказалъ: „Гамзатъ! мы любили своихъ хановъ и были ими счастливы: ты измѣнически ихъ умертвилъ! ... „Въ это мгновеніе, онъ выхватилъ пистолетъ изъ подъ бурки; раздался выстрѣлъ, и властолюбецъ сначала тихо опустился, потомъ вдругъ своды повторили ударъ тѣла его объ полъ.

¹⁾ Магометанская молитва совершается съ босыми ногами; передъ молитвою правѣрные обязаны умыть себѣ лицо, руки, ноги и выполоскать ротъ.

Предсмертныя движенія повели члены. и Иманъ Азамъ былъ уже безжизненнымъ трупомъ.

Со всѣхъ сторонъ засверкали кинжалы, Османъ падаетъ отъ безчисленныхъ ударовъ: но крѣпкіе, острые базалаи тупятся о панцырь Аджи-Мурата, который напрасно спѣшитъ на выручку брата. Мюриды воспользовались первымъ оцѣненіемъ народа и хотѣли растерзать обоихъ юношей. но громкій голосъ Аджи-Мурата пробудилъ Аварцевъ. „Братья, Аварцы!“—кричитъ онъ имъ: „проснитесь! Смерть и гибель дерзкимъ мюридамъ!“—Смерть и гибель мюридамъ!—повторили сотни голосовъ. Мюриды въ числѣ 40 человекъ бросились опрометью изъ мечети, вбѣжали въ ханскій дворъ и заперлись въ одномъ изъ многочисленныхъ домовъ.

Жители Хунзака окружили домъ. гдѣ скрылись враги, управлявшіе ими до этого времени силою наглости и предприимчивости. Туда прибѣжалъ Калишъ-Бекъ: обнявъ Аджи-Мурата, который всѣмъ распоряжался, онъ оглядывается и видитъ около себя Магому Гаджи-Ява-Оглы, успѣвшаго въ суматохѣ сорвать съ головы своей чалму. Родство съ Османомъ и Аджи-Муратомъ дѣлало его неприкосновеннымъ: но Калишъ-Бекъ горя негодованіемъ при видѣ такой наглости, обличаетъ передъ народомъ Гамзатова шауша. напоминаетъ его ударъ Нусаль-Хану, и гнусный Магома Гаджи-Ява-Оглы падаетъ подъ ударами кинжаловъ озлобленной толпы.

Хунзакцы. видя невозможность вытѣснить мюридовъ изъ ихъ убѣжища. зажигаютъ домъ. Пламя распространяется и часть ханскаго двора весело горитъ. Ожесточенный народъ схватываетъ Магому-Гаджи-Ява-Оглы, котораго вся жизнь заключается теперь въ чувствительности многочисленныхъ ранъ, и бросаетъ его въ огонь. Шаушъ возвращенный пламенемъ къ жизненности, испускаетъ страшные вопли, клянетъ Гамзата и умираетъ полусожженный. Все стало безмолвно: лишь трескотня распространяющагося огня слышится: но вдругъ, внутри горящаго дома, мюриды отчаяннымъ напѣвомъ зашли предсмертную молитву. Еще мгновеніе и полусгорѣвшая дверь открывается: изъ среды пламени и густаго чернаго дыма, выбѣгаютъ мюриды съ засученными рукавами; звѣрское отчаяніе горитъ въ ихъ очахъ: съ обнаженными кинжалами въ рукахъ—последнія ихъ надежда—они съ остервенѣніемъ кидаются на Хунзакцевъ и ужасное побоище начинается. На минуту все слилось въ хаосъ. трупы валятся, кровь течетъ, глазъ не можетъ поймать никакого предмета; наконецъ не стало болѣе враговъ! Озлобленный народъ присоединяетъ къ 40 убитымъ мюридамъ трупъ Гам-

зата, разрубаеъ ихъ на мелкія части и раскидываетъ по всеѣмъ улицамъ Хунзака. Но Шамиль и нѣсколько спасшихся мюридовъ не дождался этого зрѣлища: они бѣжали изъ Хунзака и вскорѣ оставили самую Аварію.

X.

Hélas! et tu péris, jeune homme infortuné!

.

Mais la mort t'a frappé sans pitié pour ses charmes.

L a m a r t i n e .

Когда все утихло къ Хунзаку, Аджі Муратъ принялъ на себя временное управленіе Аварією и защиту ханской вдовы, Гебетъ-Беке. о чемъ онъ немедленно извѣстилъ всеѣхъ Дагестанскихъ владѣтелей и просилъ русскаго Сардаря назначить правителя.

Шамиль же, скрывшійся въ Унцукулъ—главной деревнѣ Койсубулинскаго общества, подъ кровъ Эракли-Магомы, родственника покойнаго дяди своего Газы-Муллы, нашелъ въ гонителѣ Гамзата—покровителя и ревностнаго защитника своихъ правъ. По завѣщанію перваго Имана, онъ провозгласилъ себя наслѣдникомъ Гамзата и Иманомъ. Первымъ его дѣломъ было послать за Имашъ-Аліемъ. приемнымъ отцомъ Булача Аварскаго. Когда этотъ прибылъ на приглашеніе, Шамиль, выбравъ нѣсколько мюридовъ изъ самыхъ извѣстныхъ изуверовъ, послалъ ихъ тайно, въ деревню Карачи, куда незадолго передъ тѣмъ Имашъ-Алій переѣхалъ на житье съ женою и юнымъ Булачемъ.

Мюриды прибыли въ деревню ночью и спрятались до слѣдующаго дня, когда случай помогъ имъ подстеречь послѣдняго потомка Аварскихъ Хановъ. который игралъ съ сосѣдними дѣтьми на улицѣ. Они подошли къ нему, схватили и увлекли въ оврагъ, неподалеку отъ деревни, гдѣ и объявили, что хотятъ его убить. Напрасно невинный младенецъ молилъ о помилованіи, плакалъ, рыдалъ, упрекалъ мюридовъ въ истребленіи его семейства, обѣщавъ богатый выкупъ отъ оставшагося ближайшаго его родственника, Асманъ-Хана Казыкумышскаго, но все было тщетно. Изверги говорили младенцу, что на немъ мстятъ за кровъ Гамзата и своихъ единомышленниковъ; они придумывали терзанія, чтобы мучить невинную свою жертву. Сначала перерѣзали Булачу кинжаломъ верхнюю кожу горла, потомъ подъ пред-

логомъ, что кинжалъ тупъ, повторили это другой разъ. Болѣе получаса продолжались истязанія, ребенокъ замеръ подъ ножомъ и тогда злодѣи сняли съ него голову. Эракли-Магома, который благопріятствовалъ Шамилю, молчалъ, притворяясь будто ничего не знаетъ о гнусномъ убійствѣ Булача.

И такъ не оставалось болѣе ни единого князя Аварскаго на землѣ.

По совершеніи этого злодѣянія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ преступленій, Шамиль созвалъ, сколько оставалось, мюридовъ и пошелъ на Хунзакъ съ намѣреніемъ возвратитъ себѣ принадлежавшее его предмѣстнику; но главной цѣлью его было овладѣть вдовою Ханшею; однако покушеніе это не состоялось. Воинственный Аджи-Муратъ, какъ этотъ разъ, такъ и позднѣе, вынудилъ Шамиля удалиться безъ успѣха отъ Хунзака.

Тѣмъ временемъ русское правительство вняло просьбамъ Аджи-Мурата и прислало войско, чтобы защитить вдову ханскую и спасти Аварію. Русскій отрядъ вступилъ въ эту страну, взявъ съ боя деревню Хутохъ—гнѣздо всѣхъ ковъ и смуть, срылъ ее и вошелъ въ Хунзакъ, назначивъ правителемъ ближайшаго родственника Аварскаго дома Ахметъ-Хана Мехтулинскаго, который долженъ былъ управлять имениемъ вдовы Гебетъ-Беке.

Вскорѣ ханша разрѣшилась отъ бремени сыномъ, къ общей радости Аварцевъ, и такимъ образомъ потухшій родъ Аварскихъ князей опять воскресъ. Радость была такъ велика, что въ горахъ Дагестана, импровизаторы воспѣвали мать, скрывавшую въ своей утробѣ надежду цѣлаго народа отъ кровожадныхъ злодѣевъ.

Жаль, что истина помрачаетъ славный характеръ Аджи Мурата, проблеснувшій столь примѣрной преданностію къ законной власти, отвагою и безкорыстіемъ, почти равняющимся съ нашимъ незабвеннымъ Сусанинымъ—гордостью Россіи!—Увы! теперь Аджи-Муратъ сдѣлался мюридомъ и союзникомъ Шамиля! Что понудило его измѣнить своимъ прежнимъ убѣжденіямъ—неизвѣстно; но каковы бы ни были тому причины—его поступокъ непростителенъ и перевѣшиваетъ всѣ предыдущія доблестныя дѣла!

Единственный ханъ Аварскій, послѣдній потомокъ владѣтельнаго дома Аваріи находится нынѣ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ воспитывается подъ благодѣтельной сѣнью нашего Правительства, замѣнившаго ему попечительныхъ родителей.

Ему посвящается этот истинный рассказ о всѣхъ бѣдствіяхъ его дома, взятый изъ народныхъ преданій и повѣствованій стариковъ. Пускай мужаетъ онъ!—и всѣ ужасы, постигшіе его родъ, преисполненный замѣчательныхъ, великихъ и мудрыхъ нравовъ, наконецъ самое спасеніе, которымъ онъ обязанъ Правительству, да содѣлають его достойнымъ и вѣрнымъ слугою Россіи!

К о н е ц ъ .

